

История
Общество
Политика
2020
№3(15)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

**ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИКА**

№ 3(15)
2020

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2020. №3 (15)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.09.2020

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь: **А.А. Чубур** – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2020
© Коллектив авторов, 2020

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 3 (15)
2020

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2020. №3 (15)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 30/09/2020

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. IG Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Executive Secretary: **A.A. Chubur** - candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2020

© Authors, 2020

Содержание

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Самсаров А.И.* Французская армия II года Республики – армия нового типа 7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- Артамошина Ю.В., Кузнецова А.Ю.* Политическое регулирование управленческих решений в условиях пандемии: психолингвистические методы анализа деловой документации и переписки 12
- Левин Я.А.* Основание Китайской народной республики и США: реакция прессы и первые оценки события 25

ДРЕВНОСТИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Semenenko A.A.* The motif of the three-headed bull in Rigveda and Mature Harappan culture 29
- Shinakov E.A.* Long hikes russes and their reflection in numismatics 38
- Чубур А.А.* Верхнеплейстоценовая мегафауна бассейна Угры 42

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

- Соловьев Ю.П.* Большевик Афанасий Ремнёв и его вооруженная группировка в октябре 1917 – апреле 1918 года 51

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Прилуцкий В.В.* Гренвилл Хедрик и создание Церкви Христа (Храмовый участок) 110

Материалы Международной летней школы

- «Прошлое, которое определяет наше будущее: формирование национальных стратегий памяти и забвения» (13-31 июля 2020 г.)** 126

- Макарова А.В., Шнырова О.В.* Международная летняя школа «Прошлое, которое определяет наше будущее: формирование национальных стратегий памяти и забвения» (13-31 июля 2020): опыт организации, результаты и перспективы 127
- Артёмова С.В., Шахназарян Н.Р.* Анализ концептов травмы и памяти: интерпретация «наследования» травмы через призмы объединительных парадигм 132
- Алфёрова И.В., Блохин В.Ф., Богомолов А.И., Рудковская М.М., Симонова О.А.* «Что мы помним, а что стараемся забыть на уровне национальной памяти?» (на примерах формирования официальной памяти о Первой и Второй мировых войнах) 147
- Дулина Н.В., Ануфриева Е.В.* Память в темени: что и как мы помним о Великой отечественной войне (по итогам прикладного социологического исследования) 156

РЕЦЕНЗИИ

- Горащук И.В.* Рецензия на книгу: Семененко А. А. Эталон колесничного погребения или почему Урало-Казахстанские погребения с повозками эпохи бронзы не являются колесничными? (электронная монография на правах рукописи). – Воронеж:, 2020. – 677 с. + 575 илл. — ISBN 978-5-6043336-1-7. 162

Материалы круглого стола

«Wars and pandemics: how do we survive and commemorate collective traumas?»¹

31 июля 2020 г.

УДК 316

С.В. Артёмов, Н.Р. Шахназарян

АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ ТРАВМЫ И ПАМЯТИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «НАСЛЕДОВАНИЯ» ТРАВМЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМЫ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

Аннотация: В статье представлен краткий обзор работ, связанных с изучением коллективной переработки трудного прошлого в разных странах; систематизированы основные дефиниции, относящиеся к различным парадигмам. Авторы - историк и социальный антрополог - предлагают варианты комбинации терминов в применении к различным последствиям травмы и опыту армянской коллективной и частной памяти, репрезентациям истории. Увлекающий эвристический заряд несет в себе выявление методологических особенностей изучения травматических событий и переживания травмы разного типа. Также авторы подробно останавливаются на вопросах соотношения автобиографической и коллективной памяти, а также на методах изучения зафиксированных в исторической памяти потенциально травмирующих событий (то есть кейсов). Некоторые исследовательские вопросы на данном этапе нуждаются пока просто в заявлении в качестве научной проблемы, например, постановка вопроса о межпоколенческой передаче травмы посредством «работы» памяти. Этот блок вопросов касается возможностей эпигенетики как нового направления современной науки. Наконец, в статье авторы пытаются описать существующие в современной истории, психологии и антропологии методы исследования, приложимые к результатам суммированных полевых работ в разных уголках мира. Эмпирический материал представлен в виде результатов биографических интервью с беженцами-армянами 1915 г., которые в контексте ПМВ были вытеснены из Османской империи и беженцами-армянами и ВПЛ из советского Азербайджана в 1988-1990 гг.

Ключевые слова: трудная память, историческая/ культурная травма, коллективная травма, ПТСР, лишение власти, межпоколенческая передача, биографический метод, эпигенетика, автобиографическая память, историческая чувствительность, интимный нарративный продукт

Analysis of trauma and memory concepts: interpretation of trauma "inheritance" through prisms of unified paradigms.

Abstract: In the article, review on works related to studying of collective processing of difficult past in different countries is reported; the main definitions related to different paradigms are systematized. In this study, the authors – a historian and a social anthropologist – suggest variations of term combination that apply to different trauma consequences and the experience of armenian collective and individual memory, representations of history. Heuristic undertone leads to detection of methodological features of studying traumatic events and going through different kinds of trauma. The authors also elaborate on questions of correlation between autobiographical (individual) and collective memory, as well as on methods of studying potentially traumatic events fixated in historical memory. Some of the research questions only need to be stated as scientific problems at this stage, for example, raising the question about intergenerational transfer of trauma through "working" of memory. This type of questions is connected to capabilities of epigenetics as a new direction of modern science. Finally, the authors are making an attempt to describe research methods existing in modern history, psychology and anthropology, that are applicable to the results of summated field works in different parts of the world. Empirical material is presented as results of biographical interviews with armenian refugees of 1915, who were extruded of Ottoman Empire during World War I, and armenian refugees and IDPs (Internally Displaced Person) from Soviet Azerbaijan in 1988-1990.

Keywords: difficult memory, historical / cultural trauma, collective trauma, PTSD, disempowerment; intergenerational transmission, biographical method, epigenetics, autobiographical memory, historical sensitivity, intimate narrative product

Проблема, передаваемая в науке кодовой дихотомией «природа vs. забота» (nature vs. nurture), не может быть разрешена силами лишь одной из научных традиций (позитивизм vs. конструктивизм). Подходы к ее решению нуждаются в объединении парадигм, на что указывает собранный эмпирический и кабинетный материал. Поэтому актуальность нашей работы обеспечивается, в первую очередь, активизированным

¹ «Войны и пандемии: как мы переживаем и запоминаем коллективные травмы?»

поиском методологических решений для формирования целостного представления о коллективной и индивидуальной памяти, включающей сценарии реакций на потенциально травмирующие события или явления прошлого. Системный взгляд на проблему эмоциональных откликов на болезненные социально-политические события и комеморативных практик достигается путем комбинирования социальных и гуманитарных наук – истории, антропологии, этнографии, культурологии – с различными направлениями психологии [20], [46]. психоанализом [16], [22]. или нейронаукой [44, с. 440-445]. Широкое распространение получают мультидисциплинарные проекты, включающие лингвистические и филологические взгляды [40], а также использующие методы социологии, и статистики. Зачастую данные одних областей научного знания являются необходимыми для апробации теоретических гипотез других. Так, антропологические и этнографические сведения могут приводиться, в числе прочего, для подтверждения или опровержения в «полевых» условиях лабораторных данных психологов (Bloch; 1995). Благодаря параллельному развитию ряда научных дисциплин, содержание долговременной, в частности, автобиографической памяти также получило развитие в меж- и даже метапредметной плоскости.

Психологические и психосоциальные последствия войн и катастроф на уровне «тестового» эмпирического материала широкого спектра индивид-группа давно изучаются представителями разных специальностей. На сегодняшний день основной корпус работ посвящен Первой (в меньшей степени) и Второй мировым войнам (отдельным объемным блоком можно выделить Холокост – максимальное количество работ) [9], катастрофам с применением ядерного оружия (Хиросима), голоду, кровавым пост-социалистическим конфликтам [18], и террористическим атакам (в частности, самой знаковой из последних - трагедия 9/11; куда меньше работ написано про травмы, нанесенные индивидам и группам природными катаклизмами, например, землетрясениями [41]. В каком случае мы можем говорить о возникновении посттравматического стрессового расстройства, и в чем еще может выражаться переживание травматических ситуаций?

Своим исследованием мы хотим внести посильный вклад в научную дискуссию о травме - проблемном явлении, вызванном «работой» так называемой *трудной конфликтной памяти*. Это явление вызвало к жизни не менее проблемные концепты и суб-дисциплины, такие как *травма*, *межпоколенческая трансмиссия* (как вариант: *стрессонеустойчивость*) - В частности, один из механизмов «работы» трудной памяти и передачи травмы подробно описан Маркаром и Седой Мелконян в книге о погибшем в Карабахской войне брате и муже Монте Медконяне (боевое имя Аво) [24], *эпигенетические исследования*. В частности, в исследовании рассматривается природа изменений, вызванных переживанием травмы, также как и трансформация идентичности индивидов и целых социальных групп. Работа сочетает в себе междисциплинарный сравнительный подход и техники и особенности изучения частной памяти в перспективе последних исследований в области социального конструирования реальности и биомедицины, в частности изучаемого в её рамках ПТСР [53].

Необходимость расширения дискуссионного поля о травматическом опыте больших групп, не в последнюю очередь, подтверждается рядом психологических работ о корреляции исторической чувствительности (актуализации исторических событий в автобиографической памяти) и риска развития ПТСР. Согласно российскому психологу В.В. Нурковой, наличие исторического компонента в автобиографической памяти является фактором психологического благополучия личности, что проявляется в более низком уровне симптоматики ПТСР, даже при том, что исторический опыт представляется, в основном, негативными событиями [43]. Таким образом, воздействие на культурную и коммуникативную память общества с помощью возобновления или расширения дискуссии в СМИ и научном пространстве о потенциально

психотравмирующих сюжетах отечественной истории, предположительно, может отразиться на снижении посттравматической симптоматики. Эмпирически этот вывод подтверждается результатами лонгитюдного исследования детей-ветеранов карабахской войны [53].

Авторы статьи пытаются ответить на вопросы: Каким образом идентичности и социальные роли обсуждаются в ситуации переживания травмы? Какие стратегии выбирают выжившие (люди, пережившие травму) (не)говоря о пережитом со своими детьми и внуками? До какой степени травма помогает или мешает мигрантам интегрироваться в новых условиях? Как фактор «индивидуальная память» мешает или содействует этому процессу? Вокруг каких тем и как обсуждаются и формируются *травматические нарративы*? Может ли травмированная память воспроизводить себя? Какова динамика межпоколенческой передачи *травматического нарратива* – репрезентация частного драматичного опыта, пережитой трагедии? Ответы частично можно получить в мировой историографии, однако ряд вопросов остается в виде открытых дискуссий, в том числе и о методологии и методике исследования.

Изучение травматического опыта: трансформация фокуса исследования. Историографию психологической травмы принято начинать с Брике (1796-1881), связавшего истерические симптомы с травматическими событиями, и Шарко (1825-1893), выявившего некоторые физиологические последствия. Уже в XIX веке были описаны такие явления как «военный невроз», «травматический невроз», «компенсационный невроз» и т.д. [49; с.5-7]. Особенно изучение этих видов стало популярно после Первой мировой войны. Томас Льюис описал группу солдат со сходным набором симптомов, так называемое «сердце солдата», или «синдром напряжения». Б.С. Оппенгеймер обозначил похожие солдатские симптомы как «нейроциркуляторную астению», в то же время А. Майерс в работе «Артиллерийский шок во Франции 1914 – 1919» отделил «снарядный шок» (психические последствия) от контузии как физической травмы.

При этом, ключевой фигурой, привлечшей внимание ученых к психической травме, стал Зигмунд Фрейд, благодаря которому термин получил распространение в научной среде [49; с.7]. Заметим, что практически каждый современный исследователь травмирующих событий или опыта их переживания опирается на положения теорий отцов-основателей психоанализа Фрейда и Юнга (о влиянии детских событий на взрослую жизнь индивида, и циклическом повторении навязчивого образа, о существовании бессознательного). Наиболее популярной является трактовка коллективной травмы как повторяющегося переживания - пережитого подавления (*compulsion repetition*) – представляющего собой компенсаторный механизм (лечит выжившего, в то время как калечит следующее поколение.)

Долгое время травма изучалась только у непосредственных участников боевых действий, в русле военной психологии. Отчасти это связано с различными взглядами на определение травмы, отчасти с очевидно большим «удобством исследования», под которым мы понимаем не только доступность источниковой базы со свидетельствами последствий травматического опыта, но и со специфическими источниками, такими как анкеты, опросники и другие формы психологического тестирования [48].

Работа Фигли [17] стала поворотным пунктом и положила начало исследованиям в области военной травматологии. Травматический опыт ветеранов вьетнамской войны был разделен на четыре категории: быть мишенью для убийства, быть наблюдателем убийств и зверств, быть агентом убийства и зверств, не суметь предотвратить убийство [15; с.20]. Термин посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) (заимствован из медицины) оформился не далее как в 1980-м в США в связи с исследованиями ветеранов Вьетнама. В России изучением посттравматических стрессовых состояний занимаются специалисты кафедры психологии

Военного Университета (бывшей Военно-Политической Академии) и ведущие психиатры из Центрального клинического военного госпиталя имени Бурденко.

Язык травмы раскрывает нам эмпирический материал. Нагорный Карабах в годы армяно-азербайджанской войны только очень условно разделялся на фронт и тыл. Большинство населения было вовлечено в жестокую бойню на ежедневной основе. В этом смысле можно говорить о военном неврозе у всего населения, с разницей лишь в степени тяжести. Практически все участники боев пострадали от многократных контузий. Как следствие, среди опрошенных ветеранов даже из одной и той же местности начертился широкий спектр травмированности разной степени.

Все перечисленные триггеры и провокаторы долговременной травмы не просто имели место в карабахской войне, но наслаивались многократно, что дает нам право говорить о множественной травме. Посттравматическое стрессовое расстройство не различает жертву и виновника.

Сегодня, когда психологическая наука значительно продвинулась вперед, мы можем обозначить гораздо более разнообразные виды психических травм. Это позволяет нам утверждать, что не только непосредственные участники боевых действий, но и их близкие, их соотечественники и даже последующие поколения могли стать носителями травмы. В России исследования культурной и исторической травмы нашли свое отражение в сборнике под редакцией С. Ушакина и Е. Трубиной «Травма: Пункты» [50], ряд статей которых посвящен методологическим аспектам историко-психологической работы.

Травма влияет на идентичность. Об этих изменениях в американской науке сделано немало исследований. Самый мощный литературный пласт связан с переживанием травмы Шоа, еврейского Холокоста. Общеизвестно, что посттравматическое Я представляет собой сложнейшее явление. Пережитые экстраординарные потрясения и стрессы приводят к «изменениям в базовой структуре личности» [30]. Это-процессы изменяются через прямое влияние на функционирование организма. Структура идентичности и я-процессов могут быть радикально изменены травмой в смысле разрушения человеческого духа. Потеря цельности, дефицит надежды, веры в завтрашний день выступают как устойчивые признаки психологической травмы и раздробления Я. Надежда – этот мостик от настоящего к будущему, дающая *состояние полной жизненности и освобождение от вечной скуки*, [30; с.223-224] это спасение от пессимизма и депрессии – постепенно обретаются ветеранами вновь через позитивное общение, межличностную коммуникацию. Самостоятельно или специализированно, они пытаются искать рецепты преодоления уныния, чтобы обрести вкус к жизни, стать социальными. При этом забота о других выступает как эффективная терапия.

Посттравматическая адаптация военного синдрома. Травма влияет на систему ценностей, смыслов и идеологий. Большинство ветеранов после войны постоянно шли на конфронтацию с властями, теряя часто чувство Реальности и не желая считаться с условиями социальной игры. Практически все ветераны, великолепно приспособленные к ситуациям опасности, чрезвычайно трудно приспосабливались к нормальной жизни. Фронтальной максимализм [47] и ценности они переносили в мирную жизнь, проявляя крайнюю негибкость. Мир как-то бескомпромиссно и без полутонов начинает делиться на черное и белое, а чувство социальной справедливости как-то особенно резко обостряется. Интервью с ветеранами карабахской войны четко отражают бинарные устремления в психологическом потенциале участников войны. Какая из двух тенденций — созидательная или разрушительная — окажется доминирующей в мирных условиях, напрямую видимо зависит от политической культуры в обществе, от его отношения к ветеранам и состояния общества в целом. Роль социальных институтов в преодолении ПТСР непомерна. Показателен в этом смысле пример

ветеранов американских Навахо и Зуни после Второй мировой войны. Согласно исследованиям, параллельно проведенными двумя американскими антропологами в резервациях Навахо и Зуни, отношение к ветеранам культурно обусловлено и на это влияют социокультурная система с комплексом нравов, ценностей и опыта войн. Мобильные, адаптивные, открытые в отношении остального мира с их ценностями «фамилистической индивидуальности» Навахо окружили своих ветеранов вниманием и уважением, открывая их доступы к различного рода общественным ресурсам и придавая их опыту социальную престижность. Негибкие, закрытые в отношении остального мира и конформные Зуни с их сильной коммунальной ориентацией изолируют и депривуют своих ветеранов [1; с. 547-561]. Общество, отвернувшись от проблем ветеранов войны, ставит их в такие условия, когда они вынуждены искать применение своим силам, энергии и весьма специфическому опыту там, где, как им кажется, они нужны, где их понимают и принимают такими, какие они есть: в армии, в силовых структурах, в мафиозных группировках.

ПТСР при определенных обстоятельствах может стать пожизненным диагнозом. Но мировой опыт переживания военных неврозов показывает, что вопрос чаще стоит скорее *КАК* большинство людей все-таки быстро справляются и реинтегрируются в нормальную жизнь? чем *ПОЧЕМУ* случаются ПТСР? Многочисленные симптомы посттравматического стресса, к счастью, можно преодолеть терпеливым залечиванием, да и просто эмпатическим понимающим общением, постепенно сводя на нет каждый из них, соединяя усилия больного, его близких и профессионалов. Но почему одни ветераны справились с недугом сами без посторонней помощи и сравнительно быстро, другие нет – это довольно сложный вопрос. Среди детерминант, создающих различия в переживании травмы, называют индивидуальную переносимость, которая косвенно или прямо сопряжена с фактором генетической уязвимости. Несмотря на подчас откровенно соматические реакции пострадавших, мне этот фактор кажется сам чрезвычайно уязвимым (попахивает стигматизирующим ломброзианством и может легко стать критерием социального исключения) при сравнении с причинами классовой/ социальной природы. Послевоенные жизненные траектории ветеранов, возможно, действительно сильно зависят от того, кто такие их родители, но скорее в социальном плане, чем в биологическом/генетическом. Язык, на котором мы говорим, кажется, несет квинтэссенциальное значение. Пока мир мыслится в концептах палачей и их жертв, победителей и побежденных, цикл насилия вряд ли обещает прерваться. По-видимому, жертвенность трансформируется в горделивый, агрессивный стиль доминантной мужественности.

Важной составляющей методологии любого исследования в указанной области является выявление и анализ содержательного наполнения таких терминов как «травма», «коллективная память» и сопутствующих в мировой историографии и современных исследованиях в разных научных областях. При этом, даже поверхностный обзор таких синонимичных дефиниций как «культурная травма», «историческая травма», «психологическая травма», являющихся ключевыми в работах представителей разных научных школ, позволяет выявить множество пересечений и неоднозначных трактовок.

Профессор МГУ, психолог и психотерапевт Л. В. Трубицына в книге «Процесс травмы» систематизирует виды травмирующих событий, классифицирует их последствия, этапы реакции на травму и стадии переживания. Особенно актуальным для нашего исследования является возможность определить травму «либо через события, которые ее вызывают, либо через переживания, вызванные этим событием, либо через последствия, которые проявляются через какое-то время», опираясь на ряд разнофокусных определений (Ч.Фигли, Эт и Пинус, Ван-дер-Колк) [49; с.11] Кроме того, при проведении исследований в других гуманитарных и социальных дисциплинах, наиболее подходящим нам представляется термин «потен-

циально травмирующие события». Действительно, событие, которое оказывается травмирующим для большинства, может не привести к травме отдельного человека, и историку или антропологу не всегда удастся установить, привело ли это событие к развитию ПТСР (тем более мы не вольны ставить «заочные» психологические диагнозы). В таком случае, мы можем рассматривать реакции на события и исторические явления, попадающие в категорию «потенциально травмирующих». Когда же речь идет о непосредственном участии гражданского лица или группы – объекта исследования – в войне или геноциде, мы, без всякого сомнения, можем определить такие исторические события как «травматические ситуации» или «массовые травмирующие события. В Trauma Studies как разделе истории гораздо более распространенным является термин «коллективная травма».

Наличием «коллективной травмы» характеризуются большие социальные группы, пережившие травматический опыт. Это определение неразрывно связано с представлением о существовании коллективной памяти. *Коллективная травма* – «это комплекс психологических ощущений, возникающий у очевидцев или участников определенного трагического события и являющийся общим, но при этом в полной мере не передаваемым опытом не просто выживания, но и последующего переживания данной ситуации» (определение Д.А. Аникина) [38; с. 78–84]. Это определение содержит значимую вторую часть, согласно которой, ощущения (и воспоминание, вызываемые ими) передаются современникам или следующему поколению как в точном, так и в искаженном, но не в полном виде.

В исследовательской практике широко распространены также термины «историческая» или «культурная травма». Нам представляется, что использование конкретного обозначения варьируется в зависимости от выбранного фокуса – на событие (явление) или переживания (последствия). Таким образом, различие между исторической и культурной травмой проявляется в дистанцировании от события-триггера.

Согласно российским исследователям Д.А. Аникину и О.В. Головашиной, *культурная травма* – «это нарратив, вписывающий произошедшее событие в совокупность образов, значимых для коллективной идентичности определенного сообщества» [38; с. 78–84]. По мнению историков, культурная травма возникает не в результате личного участия, «а посредством включенности в социальные практики передачи сакрализованного канона культурной памяти, включающего в себя элементы как героического, так и трагического прошлого» [38; с. 78–84].

Д.С. Жуков в статье «Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена» ссылаясь на определение Вамик Волкан (Vamik Volkan), описывает групповую «историческую травму» как «состоящую из переживания событий, которые призваны символизировать глубокие системные угрозы группе, которые вызывают у членов группы страхи, чувство безнадежности и виктимизации» [38; с. 8]. Это приемлемое утверждение содержит характеристики ПТСР, но не ясно, насколько и в какой совокупности они должны проявиться. Здесь же возникает вопрос о делении прошлого на травмирующее и героическое, в него не входящее: по Волкан – на «историческую травму» (ужасы прошлого, которые отбрасывают тень на будущее) и «историческую славу» (мифы о славном будущем, которые часто являются реконструкцией славного прошлого). В представлении о культурной памяти такое дифференцирование отсутствует.

Методы изучения исторической травмы (история и антропология). Базируясь на эмпирически выверенных данных, полученных в основном из *биографических интервью*, также как на анализе и сопоставлении трендов в академической дискуссии, авторы попытаются ответить на поставленные выше вопросы. Для генерирования глубинного подхода мы выбрали для наблюдения семьи в разных странах-локациях исследования, которые содержали бы, как минимум, представителей двух-трех поколений участников исследования, инфор-

мантов, которые были готовы дать неоднократные глубинные интервью на предмет тематического содержания общения со старшими членами семьи. Социальный состав семей разный – мать-дочь-внуки Зина-Элина-Милена-Захар относятся к среднему классу в Украине (переехали в Россию после войны 2014 г.); Жения-Лора-Карина-Эрик/Рита считают себя self-made бизнесменами, разбогатевшими в условиях постсоветских возможностей свободного рынка на юге России; Женя-Раиса-Вика – жители армянского пригородного села; Эрн-Регина-Юлия относятся к классу высокой интеллигенции (Эрна-врач, Регина пианистка с консерваторским образованием, Юлия – магистр социологии, выпускница университета Анн-Арбор, Мичиган), сумевшие сохранить себя в таком качестве, невзирая на сложную траекторию миграций (сейчас обосновались в США, штат Мичиган с последующим переездом в южную Калифорнию). Исторический пласт, связанный с переживанием общенациональной трагедии 1915, упрямо называемый геноцидом, полноценно описан армянскими учеными в толстых фолиантах сборников биографических интервью в рамках проектов устных историй в США (Ричард Ованнисян, UCLA, на англ.) и в Армении (Вержине Свазлян, на арм.).

Анализ этих интервью наряду с исследованиями по теории и параллельным кейсам, кросс-культурными работами, и изучением парадигмально-теоретических дилемм, более точной концептуализацией проблемных понятий - и есть главный источник эвристических гипотез и в будущем, возможно, новаторских выводов. Промежуточные выводы позволяют судить, что *травматические нарративы*, скорее всего, служат рычагом передачи травмы своим молодым домочадцам, в то время как существует значительное поколенческое различие в преодолении, разрешении *травмы*. Последняя чаще всего приковывает участников исследования к их прошлому, блокируя пути к новой жизни, более полной интеграции на новом месте. Промежуточные выводы, сделанные из чтения релевантной литературы, пока что смущают по причине терминологических разночтений и парадигмальных вызовов и столкновений. Тем самым, вычерчиваются трудности исследования, которые, резюмируя размышления, заключаются в явной тенденции к эссенциализации тех эффектов, которые могут вызывать пережитый шокирующий опыт и память о нем, то есть полевые материалы и специализированные исследования выделяют эти два типа воздействия – трансмиссия травмы на эпигенетическом уровне (большинство исследований касаются переживших Холокост – см. инновационные исследования Рейчл Йехуда, Институт Сиона, Нью Йорк) и передача травмы через семейные нарративы, которые черпают из частной памяти. Проблема в том, как бесконфликтно совместить биологический и социальный «материал».

В фокусе нашего исследования беженцы-армяне Первой Мировой войны из Османской империи (травматические события, называемые в Армении Геноцидом армян 1915-1923 гг., Metz Eghern – бук. Большая резня) и спустя более 70 лет беженцы-армяне и ВПЛ из Азербайджана (этнические погромы этнических армян в контексте армяно-азербайджанского конфликта за статус Нагорного Карабаха). Этнографические штудии по конфликтам и вынужденным (бук. насильственным - forced) миграциям выявили модели того, как беженцы и/или ВПЛ заново изобретают новые идентичности, приоритеты и жизненные стратегии, чтобы совладать с травматическим переездом из своих привычных географических и социокультурных контекстов в новые места. Социальные роли и привычки часто кросс- и субкультурно различаются и могут быть или перемещены в новые условия в соответствии со старыми образцами, или трансформироваться в ответ на меняющиеся обстоятельства в новых сообществах. Беженцы из рухнувшей Османской империи, как и беженцы и ВПЛ из азербайджанских городов, в некотором смысле пострадали от культурного шока, будь то переезд закоренелых урбанитов в сельскохозяйственные районы или, наоборот, крестьян и колхозников в современные мегаполисы. Местное коэтническое принимающее население

каждой страны, несмотря на историческую дистанцию, разрыв – 1915 – 1988-91 - чаще всего видело в них аутсайдеров. С их точки зрения, беженцы потеряли значительную долю своей «армянскости» в процессе проживания в среде турок азербайджанцев в мультикультурной имперской Оттомании и соответственно в интернациональном советском Азербайджане (СССР также не раз определяли как империю, с той лишь разницей, что она строилась на иных идеологических принципах). Очень скоро в местах переселения формировались *политики различий*, часто имевшие своим результатом различные степени и слои социальных маргинализаций травмированных групп, которые накладывались на ранее пережитый в местах изгнания трагичный опыт. Иными словами, травматический опыт порождался различными социальными акторами, пересекаясь в многочисленных траекториях и размывая границы *Своего* и *Чужого*. Многократно перемалываясь в жерновах частной памяти, расширенная или нуклеарная семья (вос)производит *интимный* нарративный продукт, который постепенно трансформирует сознание молодого поколения. Этот семейный нарратив без конца воспроизводит травму, семейный «Армагедон», в ходе многократного проговаривания оставляя метки как в сознании, психике, так и в случае с более brutальными и длительными истязаниями на ДНК. Изучение меток, «пятен», геномных мутаций поверх ДНК и составляют предмет молодой и дебатированной области эпигенетики, продвигаемой сегодня в странах, где проживает «эмпирический материал» - люди, пережившие множественные травмы и их потомки (совсем не обязательно проживающих в больших семьях или спаянных родственных группах).

Травма и идентичность в культурологии, психологии и антропологии. Изучение коллективной травмы также является одним из основных направлений культуросоциологии. В статье «Культурная травма и коллективная идентичность» профессор Йельского университета и основатель указанной дисциплины Джеффри Александер даёт следующее определение: «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [38; с. 6]. Концепция автора заключается в необходимости дифференцировать «событие-первопричину» и травму как факт коллективного восприятия.

В целом, историки, работающие в этой области, также стараются избегать «ошибки натурализма», выявляя именно определенные «маркеры» травмы, представляющие собой символические механизмы. Однако несмотря на идентичный объект исследования, а также выделяемые для анализа критерии (этапы переживания горя, роль «жертвы и палача», причастность членов группы к событию), исторический фокус выявляет, как нам представляется, процесс переживания травмы, в то время как культурологический подход более подробно определяет характер её фиксации в повседневной жизни общества.

Измененная повседневность: конструирование травмы и механизмы ее преодоления (coping mechanism). Согласно теории травмы Джеффри Александера, травма имеет свои особенности и тенденции [4]. В частности, гендерные и возрастные различия – основа этих различий. Считается, что женщины и люди в возрасте сталкиваются с дополнительными трудностями в процессе изобретения способов и механизмов преодоления, залечивания травмы [33; с. 353-37] [10; с. 2293-314], [3; с. 37-52], [35], [36; 994-1003.]. Однако, более ранние исследования ситуаций критических социальных катаклизмов привели к кардинально противоположным выводам: женщины гораздо быстрее и эффективнее преодолевают социальные стрессовые ситуации, чем мужчины. С одной стороны, в ходе сбора эмпирических данных обнаружилось, что, по всей вероятности, причинность лежит в плоскости особенностей рутинно-

го социального опыта женщин, сопряженного с заботой и уходом. В то же время этот вывод был в некоторой степени дискредитирован таковыми, сделанными из анализа биографических интервью женщин-беженок из Азербайджана: некоторые из них не просто заметно хуже справлялись с травмой погромов, но стресс часто приводил к болезни и смерти.

Наша предварительная гипотеза заключается в том, что эти женщины, которые чаще всего были в прежней жизни успешными домохозяйками и поднаторели в обеспечении так называемой «невидимой» репродуктивной работы, утратили именно поле, средоточие своей деятельности – свой дом как свою «вселенную», которому они не нашли компенсацию в новом месте. В такой ситуации молодые женщины преодолевали травму через выпестовывание матримониальных стратегий с целью обретения утраченного – дома.

Социальная теория коллективной травмы зиждется на травматических нарративах, которые выстраиваются вокруг следующих бесконечно повторяющихся тем: 1) травматическая память о *там и тогда* vs. *здесь и сейчас*, 2) утрата социального статуса и накопленных прежде символических капиталов, 3) потеря сбережений, собственности, недвижимости 4) эмоциональные потери: ностальгия по «родным» местам, ландшафтам, запахам, друзьям, соседям [27; с. 81-100.] Виктимизированное сознание не просто преодолеть. Многие из участников исследования просто упустили все шансы для переезда в более комфортные для себя условия (например в Россию или в США по спецпрограмме), тем самым замыкая круг травмы, оставаясь в прошлом. Повторение травмы на новом месте переезда усугубляют травму, накладывая на нее новые слои мучительно болезненного опыта (Rena Nakopyan-Mailyan, Bagdassarova, город Раздан, Армения).

Механизм преодоления травмы, выработанный в том числе молодым поколением опосредованно травмированных (интимные нарративы), включает в себя воздвижение памятников (преодоление комплекса неоплаканной жертвы), ритуалы поминовения жертв (ощущение вины за то, что выжил), общение с людьми (по скайпу, телефону) и «артефактами» из прошлой жизни (многие из информантов плакали об утраченных фотографиях; рассказывали, как они методично реконструировали свой «старый мир», покупая утраченные предметы прежнего дома на достижимых «блошиных» рынках).

Коллективная и индивидуальная историческая память. Согласно социологу Морису Хальбваксу, коллективная историческая память отличается от исторической двумя главными чертами. Во-первых, в ней нет строгих делений на периоды, и четких причинно-следственных связей, присущих исторической науке. Память – это непрерывный ход мыслей, и она сохраняется только в сознании той группы, которая ее поддерживает. Забвение событий и фигур вызвано не антипатией, отвращением или безразличием, а исчезновением тех групп, которые хранили память о них. Другими словами, историческая память «конечна», она «умирает» с естественным уходом тех групп, которые являлись ее непосредственными или ближайшими носителями. Во-вторых, если история как наука стремится к универсальности, и при всех делениях на национальные истории и выделении периодов, есть только одна история, то разные варианты коллективной памяти существуют одновременно. Это определяется многогранностью идентичности человека – отнесением себя сразу в несколько социальных групп.

Вопрос о соотношении коллективной и индивидуальной памяти (включающей их исторический компонент) является одним из самых обсуждаемых по сей день. Морис Хальбвакс указывает, что автобиографическая память является продуктом социального взаимодействия. Однако, по мнению Мориса Блоха, это происходит потому, что индивидуальная интерпретация является весомым фактором в процессе передачи знания о прошлом: коллективная историческая память, в любом случае, становится автобиографической.

Заметим, что подобное постструктуралистское видение истории, как набора мнений о произошедшем событии (характерное для обеих концепций), сегодня вновь смещается в сторону выявления единого фактологического центра, которое и является базой для индивидуальной позиции. Нам представляется, что в этом вопросе большинство школ практической психологии идут в ногу с историей как наукой, работая с личным восприятием произошедшего события, при этом не игнорируя его объективную сторону.

Ввиду специфики профессий историкам редко удается пообщаться с героями своих работ, как это удастся антропологам и социологам. Временной разрыв признана компенсировать История эмоций (Emotions History).

Историография и методология направления подробно описаны Яном Плампером в работе, которая с 2018 года доступна читателю на русском языке [44]. Новая дисциплина была основана на взглядах Люсьена Февра, и развивалась в антропологическом ключе. В последнее время исследователи обратились к достижениям нейронаук. «Эмоциональный поворот», произошедший в гуманитарных и общественных дисциплинах в начале 2000-х в России ознаменовался проведением конференции «Эмоции в русской истории и культуре», организованной Франко-русским центром гуманитарных и общественных наук и Германским историческим институтом, в апреле 2008 года в Москве. Вышедший сборник «Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций» содержит ряд исследований отечественных ученых, который проводился на больших группах, в том числе на основе мемуарных источников [45].

Сегодня наличие огромного числа работ по истории эмоций с разным фреймингом не дает нам усомниться в возможности изучения эмоциональных и интеллектуальных сторон жизни человека в прошлом в различных пространственно-временных границах. Их спектр весьма велик: от истории интимных, личных подробностей [40], антропологических работ, посвященным территориально ограниченными эмоциональным культурам [21], до исследований в макроисторическом или глобальном ключе [6; с.86-106], Большинство исследователей стремится, однако, продемонстрировать совокупность эмоциональных реакций или способов их выражения конкретной группой или индивидом, поэтому носят описательный характер.

Изучение психологических откликов группы или индивида на конкретные события (где отправной точкой является некий исторический факт или их совокупность, а психологические последствия – предметом исследования) встречается гораздо реже, ввиду более сложной методологии, неопределенного корпуса источников и наличия рисков, связанных с недоверностью выводов. Последнее определяет и фрейминг исследования: в результате экстраполяции данных на большие группы, может снизиться качество доказательной базы причины явления, за это чаще всего критикуют психоисториков [44; С.115]. Но главную сложность в работах по определению психологических последствий конкретного события представляет собой необходимость отделения реакции на изучаемое явление от других реакций (например, как определить в эмоциональных реакциях смертельно больного эмигранта, что относится к последствиям отъезда, а что является симптомом болезни).

Определение личного отношения к социально-политическим процессам, историческим событиям, общественным тенденциям безусловно важно для формирования целостного образа личности и часто отображается в автобиографиях как жизненные истории, встроенные в уникальный повседневный контекст, а также эмоциональные реакции, отрывочные воспоминания, коллективные мифы. В связи с этим, особую актуальность приобретает вопрос запоминания, вспоминания («вызова» из памяти») и передачи (как горизонтальной, так и вертикальной – поколенческой), свидетельств об исторических фактах и явлениях. Именно эти

вспоминаемые элементы, этот богатый эмоциональный процесс и составляют основу индивидуальной исторической памяти.

Потенциально травмирующие события в автобиографической памяти. Для начала заметим, что эта дискуссия практически исключается при культурологическом подходе, когда оцениваются исключительно последствия событий (а не само событие). Запечатленное в памяти группы напрямую связано с характером произошедшего. Поэтому здесь мы будем пользоваться терминами «историческая травма» и «историческая память».

Под «исторической памятью», вслед за отечественным психологом И.А. Трегубенко, мы понимаем личностное образование, включающее индивидуальные исторические воспоминания, личностно значимые исторические события и целостный образ истории, который репрезентируется в метафорах [51]. (как например, метафора дома у беженцев из Баку и других городов Азербайджана; метафора незаменимой деревни с «кисельными и молочными берегами», с чудесными фруктовыми садами и деревьями, фрукты с которых сами спускались в рот – село Бардизак в Османской империи в представлениях бабушки Сары Мекджян). Конечно, каждый из этих элементов в разной степени влияет на осознанность и формирование ценностной структуры, однако, по мнению большинства исследователей, субъективная картина жизненного пути человека всегда соотносится с историческим развитием личности (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, И.С. Кон, Н.А. Логинова и другие). Уже А.Н. Леонтьев определял память современного человека как «продукт длительного исторического развития», подчеркивая роль социальной среды как центрального фактора развития, что было близко к определению «культурной памяти», описанной Л.С. Выготским и А.Р. Лурия.

Один из ведущих исследователей автобиографической памяти и автор указанного термина, профессор психологии университета Дьюка Дэвид С. Рубин в середине 1980-х годов разработал структуру и выделил компоненты автобиографической памяти [19]. В своих работах он устанавливал, в числе прочего, корреляцию возраста человека и частоты воспроизведения воспоминаний из определенных фаз жизни (при этом учитывая возраст, при котором происходило событие). Психологи пришли к выводу, что относительная значимость подросткового возраста в воспоминаниях взрослых и пожилых людей обуславливается значимостью формирования идентичности в подростковом возрасте.

Тем не менее, психологические исследования, отражающие причины, принципы и частотность встраивания исторических событий в личную автобиографию начали проводить только в 2000-х, в то время как феномен исторической памяти изучается уже столетие. В.В. Нурковой были разработаны и стандартизированы методики, подходящие для изучения указанного феномена. Часть из них ориентирована на определение метафорического и ассоциативного образов личной, семейной и государственной истории среди групп, различающихся по классическим признакам (уровень образования, возраст, гендер). Другие – способствовали выявлению различий в количестве указываемых исторически значимых событий в разных возрастных группах и различий в отношении к историческому прошлому страны. На основе проводимых исследований, психологи выдвинули предположение, что в возрастном периоде «пика воспоминаний» (период 16-28 лет) субъект приобретает максимальный объем исторического опыта. Кроме того, чем более насыщенным в социально-политическом плане был этот период, тем большее количество исторических событий респондент встраивает в собственную автобиографию.

Согласно исследованию В.В. Нурковой, некоторые испытуемые включали в свою личную биографию политический арест близкого родственника (в конце 1930-х, или в период «позднего сталинизма»). Однако мы не можем утверждать, что постоянный страх ареста и отсутствие его наступления было менее травматично, или, тем более, менее значимо для совре-

менника репрессивного процесса. При этом, страх или измененная повседневность характерная для определенного исторического периода не являются «событиями», а, следовательно не могут быть представлены ни к шкале «линия жизни», ни в методике «значимые исторические события» (с учетом стандартного понимания испытываемым значения слова «событие»).

Специфику переживания больших и малых российских войн XX века подробно охарактеризовала Сенявская Е.С. (1999). Автор указывает, что из-за обилия вооруженных конфликтов в период между двумя мировыми войнами, страна находилась в состоянии «взведенного курка», а «психология всего общества постепенно превращалась в психологию комбатанта – как реального, так и потенциального» [48; с. 7]. Её выводы подтверждают, что значимые автобиографические события часто происходили на фоне не менее значимых исторических процессов, что не попадает в поле зрения современных исследователей-психологов.

Идеологические основы «работы» памяти. Вряд ли кого-то следует убеждать, что война пробуждает в человеке его худшие качества, делая его день за днем все более резистентным к насилию и жестокости. Следует отметить, что это некие универсальные постоянные, которые заложены в природе человека (историк, специалист по исследованиям геноцидов Норман Наймарк). История фронтальных войн и face-to-face убийств отходит в прошлое, но еще не завершилась. Среди ученых, исследующих социальную память, тезис о том, что коллективная память является строительным материалом для формирования самосознания и мета-нарративов, цементирующих социальную солидарность – общее знание. Память начинает играть роль мобилизационного ресурса, и складывается впечатление, что чем драматичнее эта память, тем «привлекательнее» нарратив. Неописуемые труднопроговариваемые ужасные события, такие как погромы и коллективные убийства, совершенные во время этнических беспорядков и войн, обычно укореняются в коллективной памяти и способствуют формированию групповой социальной идентичности. Как сардонически заметила Клейн (Klein) после кровопролитных войн двадцатого века мы имеем дело с «новой материализацией памяти», которая обосновывает возвышение памяти до статуса исторического агента, и, таким образом, мы вступаем в новую эпоху, когда «архивы помнят, а статуи забывают» [13]. Эти процессы были описаны учеными, и Вамик Волкан концептуализировал эту «работу» в поисках скорбного нарратива как избранная травма (*chosen trauma*) [34], которая усилиями политических акторов институционализирует коллективную память (Среди них Виктор Шнирельман, Алейда Ян Ассман (Aleida Assmann), Виктор Рудометов (Victor Roudometof), Пьер Нора (Pierre Nora), Николь Лонгобардо (Nicole Longobardo), Арутюн Марутян (Arutyun Marutyan), Ракель Андерсон (Rachel Anderson), Крейны (Paul, Susan Crane), Виктор Копосов, Нида Бикмен (Nida Bikmen). Траур по коллективным потерям уподобляет травму с культурными, этническими и религиозными ритуалами.

С одной стороны, мы как авторы, хотели бы избежать воспроизведения «разрушительного повествования о виновности» (“destructive narrative of culpability”), обсуждая, какие факты у нас есть и что рассказывают очевидцы, с другой стороны, выборочное толкование истории приводит к дегуманизации каждой стороны. Американский историк Норман Наймарк, Университет Стэнфорда, анализируя геноциды в мире, в том числе древние, называет дегуманизацию одним из ключевых этапов геноцида. Несмотря на универсальность страданий и эмоций, связанных с этим (С. Руддик), индивидуальное восприятие насилия и травм, вызванных этническими чистками и геноцидом, является множественной стигматизацией и перегружено двойными стандартами [12].

Соревновательность в конструировании своих собственных коллективных травм часто связывают с параллельными процессами: пестованием национальной идентичности и доктринального гранд-нарратива и политтехнологиями правящих элит/режимов. Азербайджан-

ская пропагандистская машина, как иллюстрация, активно использует трагедию Ходжалы для (вос)производства внешней угрозы, для подпитывания образа врага в лице армян, точно также как призрак геноцида армян преследует сегодня армян, формируя один из стержней идентичности. Как и в случае с мобилизацией глобального армянства вокруг травмы 1915 г. [23], Ходжалы стал иконой «азербайджанизма» [28], собирательным образом азербайджанского национального мученичества (шахидизма). Образ турка(=азербайджанца)-врага также служит в качестве быстрого мобилизационного механизма, мгновенно солидаризируя практически всех граждан под знаменами уважения к невинным жертвам геноцида армян 1915 г от рук турок. *Экстернализация* врага помогла в выстраивании идейной доктрины (обеспечение от внешнего врага) правящим элитам, как в Азербайджане, так и в Армении-Карабахе. В этом высокая функциональность такого рода стратегических дискурсивных игр (идеально описаны американским политологом В. Рино на примере африканских стран) [14; с. 43-68.]

Однако, существуют и центростремительные силы, которые ставят в приоритет моральные императивы против отточенного доминантного гранд-нарратива национальной гордости. К такого рода индивидуальным и массовым акциям относится серия мероприятий и протестов, организованных турецкой общественностью в 2009-2016 гг., включая деятельность интеллектуального центра Анадолю Кюльтюр во главе с посаженным в 2016 г. Османом Кавала. [26], [56] (в случае с Холокостом есть пример Нормана Франкельштейна, критикующего еврейские организации).

Так или иначе, такое поведение потомков, условно говоря, «палачей» или инертных «наблюдателей» похоже на выработку стратегий преодоления унаследованной травмы «палача», целительная формула, возможно, более важная для «палача» и его отпрысков, чем для принимающего слова извинения и покаяния потомков «жертв». Исцеляющий эффект покаяния на последних слабо изучен и ждет своего часа.

Эпигенетика в изучении травматического опыта. В заключение мы хотели бы сделать акцент на том, что индивидуальную и коллективную память с травматическим опытом и его биологическими «метками» связывает относительно новая область знания – эпигенетика. Приставка эпи- означает «поверх» ДНК, гена. Эпигенетика – очень спорная и живо дискутируемая область исследования и от этого только еще более захватывающая и манящая (см. перекрестные международные исследования Изабель Мансуй, Университет Цюриха; Доры Коста UCLA; Брайана Диаса, Университет Эмори; вышеупомянутой Рейчл Йеуда, Институт Синай, Нью Йорк).

Эта новая область знания балансирует на грани социальной антропологии и нейронауки, в частности нейрофизиологии, которая не слишком устойчиво и твердо, но все же установила следующую причинно-следственную связь: в био-организме выживших после Холокоста имеет место некое подобие «мутации гена», когда собственно сам код ДНК не меняется, а модифицируется экспрессия генов (через метилирование генома). Крошечные метки добавляются или удаляются из нашей ДНК в ответ на изменения в среде, в которой мы живем. Рейчл Йеуда, сама будучи потомком выживших в концлагерях родителей, знала о Холокосте не понаслышке. Релевантная комбинация ученых степеней биолога и психолога в сочетании с многолетней работой в Нью-Йоркских средних школах в качестве школьного психолога привели ее к выведенному эмпирически заключению, которое совершило прорыв в этой области: эпигенетические изменения гена, связаны с уровнем кортизола (гормона стресса). Наибольшая вероятность поражения была связана с переживанием травмы женщиной в третьем триместре беременности [31]. Дело в гормоне кортизол, который остается сниженным и мешает выжившим вернуться к эмоционально нормальной жизни после перенесенной травмы, причем уровень кортизола еще более снижен у переживших ПТСР [29]. Эти ретроспек-

тивные исследования Р. Йеуда протестировала во время взрыва Башни-близнецов в бизнес-центре Нью Йорка 9 сентября 2001 г. Валидность открытия подтвердилась.

Итак, может ли травма быть долгосрочной? Как жизненный опыт наших родителей влияет на нашу физиологию и психическое здоровье, если такое влияние вообще возможно? К всеобщему изумлению, ответ на первый вопрос положительный. Трудная, конфликтная память о пережитом травматическом опыте может передаваться «по наследству», причем как через эпигенетические изменения, так и посредством повторяющихся семейных нарративов. Хорошая новость заключается в том, что ответ на следующий вопрос - обратимо ли эпигенетическое влияние – тоже положительный. Секрет возвращения к здоровому состоянию, согласно исследованиям международного коллектива ученых, кроется в когнитивно-поведенческой терапии.

Разумеется, этот способ подходит для работы с травматическим опытом, полученным в результате исторического события, индивидуально или в комплексе семейной терапии, а для работы с большими группами наиболее приемлемым вариантом остается привычное подержание государством неофициальных комеморативных практик. Однако мы надеемся, что в скором времени появятся разработки психологов для решения вопросов такого масштаба.

Библиографический список:

1. Adair J., Vogt E. Navaho and Zuni Veterans: a Study of Contrasting Modes of Culture Change. *American Anthropologist* October-December, 1949 New Series, Vol. 51 # 4, Part 1. pp. 547-561.
2. *Advances in the Treatment of Posttraumatic Stress Disorder. Cognitive-Behavioral Perspectives.* 2004. ed. Taylor S. Springer Publishing Company
3. Affolter, Friederich W.; Findlay, Henry J. (2002). "Assessment of Mobilization and Leadership Challenges in Azerbaijani IDP and Refugee Camps". *Convergence*, 25(4), 37-52.
4. *Alexander. J. Trauma. A social Theory.* 2012
5. *Butler, Judith. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence.* Verso 2006
6. Balibar E. The Nation Form: History and Ideology // Balibar E. Wallerstein I. Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. London: Verso, 1991. P.86-106, о «духовной сущности» нации.
7. *Beisel, David. Teaching Psychohistory. The Journal of Psychohistory* 25 (4) Spring 1998.
8. *Beyond Trauma. Cultural and Societal Dynamics,* 1995. Kleber R., Figley Ch., Gersons B. Plenum Press. NY and London
9. Dalia Ofer (Hebrew University, Jerusalem): Women Survivors of the Holocaust in Israel: From Destruction to Reconstruction: Experience and Memory; Zoë Waxman (University of Oxford) 'The Anne Franks who survived rape don't write their stories': sexual assault, testimony, and the Holocaust. Forthcoming in *After Genocide: Memory, Trauma, and Reconstruction* (Nona Shahnazarian, Carol Mann, Laurence Ritter, and Pavel Avetisyan, eds.) Yerevan: Armenian Academy Press 2020.
10. De la Sablonnière, Roxane; Tougas, Francine (2008). "Relative Deprivation and Social Identity in Times of Dramatic Social Change. The Case of Nurses". *Journal of Applied Social Psychology*, 38(9), 2293-314.
11. Do Jews Carry Trauma in Our Genes? A Conversation With Rachel Yehuda. The innovative neuroscientist discusses how the Holocaust, famine, and other catastrophic experiences can affect our DNA.
12. Dramas and psycho-cultural interpretations of ethnic conflicts are scrutinized by Marc Howard Ross.
13. *Duncan S. A. Bell Mythscapes: memory, mythology, and national identity. The category of mythscape emerged so that to convey the fluidity of the myth-constructing process.* (2000)
14. Externalizing the enemy: Reno, Wiliam. 2000. "Shadow States and the Political Economy of Civil Wars." *Greed & Grievance Economic Agendas in Civil Wars* by Mats Berdal David M. Malone. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers: 43-68.
15. Foster A. And Beck B. 2003. Post-Traumatic Stress Disorder and World War II. In: *Life after Death.*

- Approaches to a Cultural and Social History of Europe during the 1940s and 1950s. Ed. Bessel R., Schumann D. German Historical Institute Washington DC and Cambridge University Press. p.20.
16. Frie, Roger. History follows through us: Germany, the Holocaust, and the importance for empathy. NY: Routledge, 2018
 17. Figley, C. R. Stress Disorder among Vietnam Veterans: Theory, research and treatment. NY/ Brunner/Mazel, 1978
 18. Glenn Misha. The Fall of Yugoslavia: The Third Balkan War (1992), Glenn Misha Nemesis: One Man and the Battle for Rio (2015)
 19. Habermas, T. (2005). Autobiographisches Erinnern. Remembering our past: Studies in autobiographical memory. Cambridge: Cambridge University Press. 1996.
 20. International Biography Initiative by Dr. Shalin - professor of sociology; director of the UNLV Center for Democratic Culture etc., где используются методы дифференциальной психологии,
 21. Lutz C.A. Unnatural Emotions (полевое исследование на атолле Ифалик).
 22. Morrock, Richard. The psychology of genocide and violent oppression: a study of mass cruelty from Nazi Germany to Rwanda. 2010. – 254 p.
 23. Marutyan H. (2009) Iconography of Armenian Identity: The Memory of Genocide and the Karabagh Movement. Vol. 1. (Yerevan.)
 24. Melkonian M., Melkonian S. (2007) My Brother's Road: An American's Fateful Journey to Armenia. London. New York: Tauris.
 25. Monica Sharma, MD. Transforming collective trauma Around the Globe. Collective Trauma online Summit. Oct. 12-20 2019. <https://collectivetraumasummit.com/>
 26. Nona Shhnazarian “Breaking the Nation’s Taboo. The Mets Eghern, Apology Movement, and Turkish Intellectuals”, PONARS Eurasia Policy Conference. Policy Memo No 86, Washington, D.C. September 27, 2009.
 27. Perzanowski, Andrzej. Narrative and communicative dimensions of cultural otherness. In Exploring home, neighbouring and distant cultures. Eds. Mroz L.&Posern-Zielinski A. University of Warsaw. Wydawnictwo DiG: Warsaw. 2008. Pp. 81-100.
 28. Sabir Akhundov (Сабир Ахундов) “Azerbaijanism” 2 August 2016 <https://www.opendemocracy.net/en/odr/azerbaijanism/>
 29. Tori Rodriguez on March 1, 2015. Descendants of Holocaust Survivors Have Altered Stress Hormones Parents' traumatic experience may hamper their offspring's ability to bounce back from trauma. Scientific American MIND Mental Health.
 30. The Posttraumatic Self. Restoring Meaning and Wholeness to Personality. 2006. Ed. J. P. Wilson. Routledge NY London; Post-Traumatic Stress Theory. Research and Application. 2000. Ed. J. Harvey, B. Pauwels Brunnel/Mazel
 31. Trauma’s epigenetic fingerprint observed in children of Holocaust survivors. – Internet (sciencedaily.com), 01.09.16.
 32. Trauma, Transformation and Healing. 1989. J. Wilson. Brunner/Mazel. NY.
 33. Van Zomeren, Martijn; Spears, Russell; Leach, Colin W. (2008). “Exploring Psychological Mechanisms of Collective Action. Does Relevance of Group Identity Influence How People Cope with Collective Disadvantage?”. *British Journal of Social Psychology*, 4, 353-37.
 34. Volkan: “...Chosen traumas are rooted within the psychological framework of individual mourning”
 35. WPRC, Women’s Political Resource Center (2012). Promoting IDPs’ and Women’s Voices in Post-Conflict Georgia. Columbia: Columbia University.
 36. Wright, Stephen C.; Taylor, Donald M.; Moghaddam, Fathali M. (1990). “Responding to Membership in a Disadvantaged Group. From Acceptance to Collective Protest”. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58(6), 994-1003.
 37. Александр, Дж. Культурная травма и коллективная идентичность. М.: Социологический журнал. 2012. №3
 38. Аникин, Д.А. Головашина, О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования. //Вестник Томского государственного

- университета. 2017. № 425. С. 78–84.
39. Жуков, Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена. *I n e t e r n u m*. 2013. n1. С.8 со ссылкой на Volkan Vamik D. *Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism*. New York: Farrar, Straus & Giroux. 1997
 40. Зорин, А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века / Андрей Леонидович Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 568 с.: ил. (Серия «Интеллектуальная история»)
 41. Мкртчян, Диана. «Школьный дневник», 1988 г.
 42. Маклюэн, Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «Кучково поле» 2003. – 464 с.
 43. Нуркова, В.В. Социальное прошлое в индивидуальной памяти. М.: 2009
 44. Плампер Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
 45. Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахад и Марка Эли. Москва: НЛЮ, 2010. 511 с.
 46. Рэддеманн, Л., Стасинг, Я. Воображение / Пер. с нем. – Харьков: изд-во «Гуманитарный центр», 2019.
 47. Сенявская Е. Войны 20 столетия: социальная роль, идеология, психология. <http://archive.1september.ru/his/1999/his43.htm> Дата просмотра 19.08.2006.
 48. Сенявская Е.С. Психология российских участников войн XX века. М., 1999
 49. Трубицына Л.В. Процесс травмы. – 2-е изд., исправленное. М.: Смысл, 2019.
 50. Травма: Пункты. Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. Москва: НЛЮ, 2009.
 51. Трегубенко И.А. Историческая память в контексте субъективной картины жизненного пути. Автореферат диссертации. СПб, 2012.
 52. Фромм Э. Революция надежды. В кн: Психоанализ и этика. М. «Республика». 1993.
 53. Шахназарян, Нона. Мальчики-мажоры карабахской войны: жизненные истории военной молодежи. Онлайн (15.09.2020)
 54. Шахназарян Н. В тесных объятиях традиции... сс. 158-190. 2011
 55. Шахназарян Нона, Ермолин Денис. Соседство и истории спасения в сравнительной перспективе: Карабахский и Косовский конфликты. Журнал Этнография. 2018. Кунсткамера.
 56. Шахназарян Нона Дорогие соотечественники... “Dear Compatriots ... Déjà vu космополитизма”. “Review: Hrant Dink Memorial Workshop, May 27-29, 2010”, Bulletin of the Armenian Center. Krakow, 2010 (translated by I. Bocenska).

Сведения об авторах:

Артёмова Софья Владимировна. Историко-архивный институт и ИП им. Выготского Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва. artemovasofyavl@gmail.com

Шахназарян Нона Робертовна. Кандидат социологических наук, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, Армения; Центр независимых социологических исследований, СПб, Россия. nonashahnazar@gmail.com